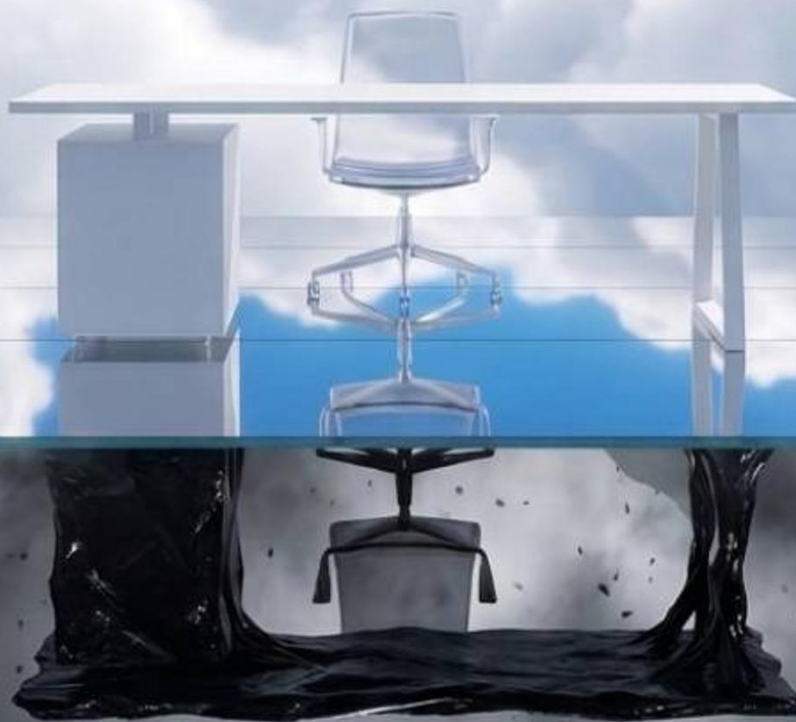

В моем доме мелочей нет

Екатерина Тараканова

Екатерина Тараканова

В моем доме мелочей нет

«Автор»

2026

Тараканова Е.

В моем доме мелочей нет / Е. Тараканова — «Автор», 2026

Что, если самый страшный ад — это не раскалённая смола, а зеркало, в которое придётся смотреть целую вечность? «Я никого не убил. Я просто хотел нормально жить». Самая частая фраза, которую слышат у порога вечности. И самая бесполезная. Мы годами копим обиды, откупаемся подарками вместо внимания, учим других жить «по правилам» и завидуем чужому прощению. Нам кажется, что жизнь можно просчитать: где-то схитрить, где-то вовремя покаяться, где-то свести дебет с кредитом. Но по ту сторону нет бухгалтерии. Там есть только одна мера — способность любить и мужество признать свою вину без оправданий. Шесть историй о цене выбора, собранных в этой книге, выбивают почву из-под ног. Они не учат жить и не грозят карой. Они тихо, безжалостно и с бесконечным состраданием срывают маски с каждого из нас. Откройте эту книгу, если готовы к самому сложному разговору в жизни — разговору с собственной совестью.

© Тараканова Е., 2026

© Автор, 2026

Екатерина Тараканова

В моем доме мелочей нет

Математика покаяния

На основании изложенных доказательств по делу, учитывая смягчающие обстоятельства, суд признал Некрасова Игоря Викторовича виновным... и приговорил к 9 годам и 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима... «Господи, где же здесь справедливость?» Слов не было слышно, но губы шевелились. Всё дальше было как в тумане.

Фёдор Петрович сидел будто оглушённый от этих слов. Он сидел, смотрел в одну точку и больше ничего не слышал. В голове только звучало: «9 лет 6 месяцев, смягчающие обстоятельства, 9 лет 6 месяцев, смягчающие обстоятельства». Сколько он так сидел, он не знал, очнулся только от прикосновения жены, которая с заплаканным лицом смотрела на него с болью в глазах. В зале уже никого не было. Они остались вдвоём.

— Пойдём, Федя. Нас Иннокентий Михайлович ждёт уже. Адвокат сказал, что попробует подать жалобу. Сказал — позвонит.

— Угу, — сказал Фёдор Петрович и встал.

Огляделся по сторонам, ещё раз посмотрел на клетку, где только что сидел убийца его сына, и пошёл к дверям.

У Фёдора Петровича и Нины Ивановны было двое детей. Сын Михаил и дочь Анна. Дочь умерла ещё в детстве от редкой болезни, а сын вот погиб в 23 года. Попал под автомобиль, а точнее, водитель, будучи в нетрезвом состоянии, сбил Михаила, когда тот переходил дорогу. И вот они с женой остались вдвоём. После суда они поднялись в свою квартиру, поужинали, и каждый разошёлся по своим комнатам — всё в молчании, каждый оставался при своих мыслях.

На следующее утро Фёдор Петрович и Нина Ивановна пошли в церковь — это для них было уже как традиция. В храме Нина Ивановна принялась покупать свечки, разговаривать с бабушками, а Фёдор Петрович сел на скамейку и тихонько сидел. Сегодня в храме службы не было, поэтому народу было мало. К Фёдору Петровичу подошёл священник, просто так — поинтересоваться, как дела. Фёдор Петрович и рассказал ему, что вчера был суд и наказание слишком мягкое за убийство. Священник выразил ещё раз соболезнования и сказал, что на всё воля Божья, значит, его сын должен был пройти такой путь, и теперь остаётся только молиться за упокой его души. Фёдор Петрович, конечно, верил в Бога и старался жить по правилам, да и человеком он был довольно-таки добрым. Но со смертью сына в его душе что-то поменялось. Будто что-то надломилось. 9 лет пройдут быстро, и убийца выйдет на свободу, будет продолжать свой путь, будет видеть, как растут его дети, а Фёдор Петрович так и не увидит своих внуков никогда. От этого его накрывала такая невыносимая тоска и обида оттого, почему всё так несправедливо. Но, вспомнив слова священника о том, что на всё воля Божья, он в целом соглашался, что значит, так и нужно, только не понимал зачем.

Прошло несколько лет, и боль вроде бы затихла, хотя жена ещё и плакала вечерами. Ну, она мать, она по-другому всё это чувствует. Как говорят, слёзы близко: чуть что — сразу слёзы, sentimentalная слишком стала. Фёдор Петрович всё держал в себе, то, что он не согласился с приговором, внутри так

и осталось. Адвокат, как и обещал, подавал в высшие инстанции о пересмотре дела, но всё, чего удалось добиться, так это что убийца их сына не выйдет досрочно. На этом всё и остановилось. Жизнь шла как обычно: они вдвоём гуляли вечерами в парке, ходили на службы, на кладбище, разные бытовые дела хоть немного, но отвлекали Фёдора Петровича и Нину Ивановну от их трагедии. И вот в один из вечеров Фёдор Петрович читал газету, а на фоне бурчал негромко телевизор — шла какая-то религиозная передача. Фёдор Петрович особо не вслушивался, но до его уха донеслись обрывки из передачи о том, что раскаявшийся человек всегда попадает в рай, даже если до этого совершил много злодеяний, и даже такие, как убийство. Его взгляд замер на странице газеты. Нет, он не думал, что убийца его сына раскается и попадёт в рай. Он подумал, что если он во имя справедливости сделает так, чтобы убийца его сына умер, а сам он потом покается, то заслужит рай, докажет свою справедливость и тем самым покаянием очистит свою душу.

На следующее утро Фёдор Петрович направился в церковь: где, как не в ней, искать ответы на такие вопросы? Дождавшись окончания службы, он подошёл к священнику:

— Батюшка, скажите, вот какой вопрос меня мучает: всегда ли человек, совершивший убийство, попадает в ад?

Священник отошёл на несколько шагов в сторону, чтобы оказаться подальше от людей, и Фёдор Петрович последовал за ним.

— Я понимаю, почему вы интересуетесь: смерть детей — это самое страшное, что можно пережить в жизни, и справедливо, что вы задаёте такой вопрос, — произнёс священник. — Но однозначного ответа нет. Есть только предположение, что Бог милостив и Бог желает спасения всех людей, даже тех, кто совершил такой грех, как убийство. Вспомнить хотя бы фрагмент из Библии с Иисусом, когда один из разбойников попал в рай, так как раскаялся, а другой, не раскаявшись, всё-таки попал в ад.

Фёдор Петрович, задумавшись, словно самому себе сказал:

— То есть это правда и это возможно.

— Да, — ответил священник, — да, возможность всегда есть. Бог всегда даёт человеку встать на путь исправления, но это путь истинного духовного обновления, это тяжёлая ноша, с которой справляется не каждый.

Священник ещё что-то говорил, но Фёдор Петрович его уже не слышал.

Всё, что нужно, он уже для себя понял.

Все последующие годы Фёдор Петрович всё крутил эти мысли в голове...

«Раскаяться... раскаяться...» Не только мысли о раскаянии, но ещё и ком несправедливости так же сидел на его груди, и была мысль убить двух зайцев одновременно. Он несколько раз приходил в церковь и разговаривал с разными служителями на эту тему. Все говорили примерно одно и то же, но разными словами. Девять с половиной лет действительно пролетели очень быстро, за это время Фёдор Петрович уже всё для себя решил. Жене он о своих мыслях ничего не говорил, так как она, естественно, не одобрила бы его решение. Он очень хорошо изучил убийцу своего сына: что любил, что не любил, где бывал, когда бывал. Знал о нём абсолютно всё. Нина Ивановна начала замечать, что у мужа произошли какие-то перемены. Сколько раз она поднимала этот разговор, но Фёдор Петрович резко прекращал его и говорил, что ей всё кажется, она всё придумывает и пусть оставит его в покое, у него всё

хорошо. Сначала Фёдор Петрович задумывал, чтобы всё было без свидетелей, но потом решил: пусть будет как будет, он сам придёт в полицию и во всём сознается — это и будет его искреннее раскаяние за содеянное.

У Игоря Викторовича тем временем дела шли не очень хорошо: с женой развёлся, дети выросли и привыкли жить без отца, пришлось поделить квартиру. Сначала хотел оставить всё жене и детям, но понял, что купить жильё в изменившемся за 9 лет мире теперь будет ему сложно, поэтому поделили квартиру пополам. Он купил себе комнату в общежитии, а остальные деньги отдал жене, и самое печальное — начал выпивать. На нормальную работу не брали, подрабатывал в такси, на стройке, где придётся, искал любой заработок. В последние месяцы сошёлся с женщиной с двумя детьми и так тихонько и жил.

Фёдор Петрович встретил Игоря Викторовича в кабаке. Он знал, что тот будет сегодня здесь, и поэтому просто пришёл, сидел и ждал. Игорь Викторович пришёл, как обычно, сел за стойку и попросил налить стопку водки — с этого всегда и начинался его недельный запой, когда накрывало, когда воспоминания прошлой успешной жизни сталкивались с настоящей удушающей реальностью. Хорошо, что остались ещё некоторые друзья, с которыми он иногда проводил время: кому-то машину починить, кому-то с ремонтом помочь — это было как отдушина.

Фёдор Петрович сидел и сверлил его взглядом. Игорь Викторович заметил этот взгляд или почувствовал: он повернулся в его сторону и сказал:

— Ты либо что-то скажи, либо вали отсюда. Не надо тут пялиться на меня, мне и так тошно.

Фёдор Петрович вышел из кабака, но домой не пошёл, а остался ждать.

Где-то через полтора часа Игорь вышел на улицу. Моросил дождь. Он вдохнул влажный, мокрый воздух, закурил сигарету и свернул на тропинку, чтобы срезать путь через небольшой парк. Он знал, что сегодня его никто не ждёт: сожительница его с детьми уехала к своей матери на выходные, и ему никто не мешал упиваться своими горькими мыслями.

Фёдор Петрович видел его. Пошёл следом не сразу, выждав немного.

Двигался
осторожно,
стараясь
не
привлекать
внимания,
иногда

останавливался. Нож, который он сжимал в кармане куртки, весь взмок от пота, и Фёдор Петрович пару раз доставал его, чтобы обтереть и лезвие, и влажные руки.

Впереди Игорь остановился и выбросил в мусорный бак окуроч. Он обернулся, но в темноте различил лишь силуэт человека, идущего следом, и пошёл дальше.

По своей натуре Игорь Викторович был не жестокий человек, обычный. Не добрый, не злой, но и не равнодушный. Где-то может и помочь, ну а где-то и помолчит. Другам всегда готов помочь, детям звонит — правда, нечасто, так как не хочет им надоедать, а не потому, что не хочет звонить. Родителей его

уже нет на свете, поэтому и ездить, и навещать ему некого. Да, выпил один раз, сел за руль, ну и случилось что случилось. Он даже и сам не понял, как наехал

на молодого человека. Тюрма научила его быть более молчаливым, присматриваться к деталям, ну и, конечно, как любой человек, который

оказался в тюрьме, он каждый раз, снова и снова прокручивал в своей голове события того вечера и думал, что мог бы изменить. И от этого становилось ещё более горько, так как вариантов было много, но он выбрал один — самый плачевный.

Игорь Викторович шёл в своих мыслях, как вдруг со спины кто-то вонзил в него нож. Он повернулся, увидел Фёдора Петровича. Тот стоял и со стеклянными глазами смотрел на него. Игорь только успел спросить:

— За что?

Фёдор Петрович сказал:

— За справедливость.

В это время Фёдор Петрович стоял, и его сознание ещё не принимало того, что он совершил, но когда он понял, что Игорь умер, то ощутил какое-то

облегчение — что наконец-то справедливость восторжествовала. Он даже не понимал, как это происходит, но ему как-то стало легче, будто камень, который лежал у него на груди, убрали. Он вызвал скорую, но ждать не стал и ушёл домой.

Нина Ивановна сидела на кухне и ждала мужа, так как это было на него не похоже, чтобы в такой поздний час Фёдора Петровича не было дома. Как только он зашёл, она спросила, где он был. Фёдор Петрович не ответил, сказал собрать ему вещи. Сам ушёл в ванную. Нина Ивановна ничего не понимала, но сделала, как он просит; на её лице всё время читался вопрос: «Что случилось?»

Из ванной Фёдор Петрович вышел бледный как белый лист. Руки тряслись, взгляд бегал.

А от чувства облегчения и справедливости не осталось и следа. До

него стало доходить, что он сделал. И он не мог поверить, что это сделал именно он.

Нина Ивановна села напротив и в слезах стала просить мужа рассказать ей всё. Фёдор Петрович шёпотом сказал:

— Я убил его.

Она сразу поняла, о ком речь, и закрыла лицо руками.

— Господи, — прошептала она, — Федя, что же ты наделал?!

Она рыдала горькими слезами навзрыд, а Фёдор Петрович сидел напротив и смотрел на неё пустыми глазами, ничего больше не говоря. Просидев на кухне остаток ночи, Фёдор Петрович сказал:

— Пора, я должен сознаться.

Она подала ему сумку. Он не обнял её на прощание, лишь только кротко посмотрел и вышел, а она перекрестила его вслед.

Фёдор Петрович сам пришёл в отделение, выложил нож и во всём сознался. Облегчение в ту ночь испытал разве что следователь: убийца явился сам, дело закрыто, искать никого не нужно. А Фёдора Петровича увели в камеру, где никакого облегчения не было и в помине — только холодные стены и липкая тишина.

Следствие тянулось больше двух месяцев. За это время Нина Ивановна приходила к нему только раз — не потому, что не хотела, а потому, что только один раз её пустили. Дальше она увидела его уже только на суде. Фёдор Петрович заметил, как сильно она постарела и похудела за это время, и винил

себя за то, что причина этому — он. Но и себя он оправдывал тем, что не мог иначе поступить: он должен был добиться справедливости. Всё это время он твердил у себя в голове, что не хотел этого убийства, что раскаивается, что не хотел, не хотел... Он молился, но язык коверкал слова, то вообще забывал молитву на середине; он просто иногда стоял в камере, смотрел в одну точку, крестился и повторял: «Прости, прости, прости». Но от этих слов не становилось легче, он не ощущал в душе никакого облегчения — только ещё более тяжёлый камень, который погрузили на него. Он никак не мог понять почему. Почему ему не легче? Он сотворил это ради справедливости, он пришёл и сам признался, он вызвал скорую, но в душе откликались только пустота и непонимание.

Суд прошёл, наверное, как обычно для всех судов, только в клетке теперь сидел не Игорь Викторович, а сам Фёдор Петрович. И весь суд он сидел и смотрел в пол, даже побоялся посмотреть на Нину Ивановну, не хотел встречаться с ней взглядом. А Нина Ивановна, наоборот, только сидела, смотрела на него и хотела, чтобы хотя бы одним глазком он на неё взглянул.

Чтобы она могла понять: за что? За что он так жестоко с ней обходится, оставляя её одну? Но нет.

В последнем слове, которое дали Фёдору Петровичу, он сказал, что видит Бог: он не хотел совершать этого преступления, искренне раскаивается в содеянном и просит прощения у всех, кому причинил боль. Но даже произнеся эти слова, он не почувствовал ничего, кроме пустоты и боли. Он не знал, в чём причина: он искренне верил, что не хотел убивать, искренне верил, что раскаивается, но ничего не чувствовал в душе.

После объявления приговора Фёдор Петрович всё-таки взглянул на Нину Ивановну. Его взгляд испугал её — точнее, она просто не узнавала мужа, будто это был другой человек. Закрыв рот руками, чтобы не разрыдаться, она посмотрела ему вслед в последний раз, а он даже не обернулся.

Проходили дни, месяцы, годы. За всё время Нина Ивановна ни разу не навестила Фёдора Петровича — да он и сам понимал, что ехать слишком далеко. Она писала ему часто, рассказывала, как живёт, как проходят её дни. Расписывала свой быт от и до. Фёдору Петровичу это грело сердце и на время затмевало ту пустоту, что была в душе словно чёрная дыра. Ни молитвы, ни слёзы не уменьшали её. Проваливалось всё как в пропасть. Фёдор Петрович даже молиться стал всё реже и реже, а потом и вовсе перестал, потому что от молитв не становилось легче, а только ещё тошнее делалось внутри.

Прошло долгих семь лет, и наступило время, когда письма перестали приходить. А потом пришла страшная новость, из-за которой ему пришлось даже побывать в медпункте: Нина Ивановна скончалась, так и не дождавшись его домой. На похоронах с ним случилась истерика — столько лет он всё держал в себе, и тут не сдержался. Он просто кричал:

— Нина, Нина, прости! Я виноват, я виноват, прости!

И рыдал, просто рыдал. И тут он почувствовал, что вот оно — раскаяние.

Да, он точно понял, что это оно. Но раскаяние это было за вину перед женой, а не то, которого он так долго ждал.

Прошло ещё несколько дней или недель — он перестал считать. Он сидел в камере и впервые в жизни не думал о себе. Он думал о Нине: о том, как она ждала его, писала письма, как старела одна, как, наверное, плакала вечерами, когда никто не видел. И тогда сквозь эту боль он вдруг увидел Игоря. Не убийцу

своего сына, а человека, отца, мужа и сына. Человека, который тоже жил, возможно, с тяжестью.

И Фёдор Петрович вдруг понял то, чего не мог понять все эти годы: он не совершил справедливость. Он совершил то же, что совершил Игорь. Взял чужую жизнь. Только Игорь сделал это, не видя человека на дороге, а Фёдор Петрович — глядя прямо в глаза. И именно это — «за справедливость» — было самым страшным, потому что он умудрился облечь убийство в праведность. В этот момент что-то в нём сломалось — не так, как сломалось после смерти сына. Тогда надломилось что-то живое и осталось озлобленным. А сейчас ломалось само озлобление. Как будто панцирь, который он носил все эти годы и считал своей правотой, треснул и осыпался, и под ним оказался не воин справедливости, а старый, усталый человек, который разрушил всё, что любил.

И тогда ему стало так стыдно, что он не мог дышать. Не та пустая тоска, что грызла его все годы в камере, не то оцепенение, от которого слова молитвы коверкались на языке. Живой, настоящий стыд — за каждое слово «за справедливость», за каждый год, что он твердил себе «я не хотел», за то, что даже на суде стоял и говорил «не хотел», когда хотел, всё продумал и всё подготовил. Он хотел. Он просто не хотел хотеть.

И Фёдор Петрович впервые за все годы опустил на колени. Не потому, что так положено, не потому, что так учили в церкви. А потому, что ноги не держали. И заплакал, головой прижавшись к полу. Тихо, тяжело, как плачет человек, который наконец увидел себя без оправданий.

— Прости меня, Игорь, — сказал он, и эти слова были первыми честными словами, которые он произнёс за всё это время.

Он не почувствовал облегчения. Раскаяние не приносит облегчения. Оно приносит ясность. И ясность была невыносимой.

По чужой инструкции

Сергей не спеша ходил и собирал свои вещи по квартире, как будто хотел ничего не забыть, чтобы больше не возвращаться. Иногда что-то спрашивал у Марины, которая была на кухне и молча чистила картошку, хотя сама не знала, зачем ей столько картошки. Но так было легче переносить сборы и последующий уход мужа.

На днях муж ей сообщил, что уходит к другой женщине, что всё уже решил и ничего не обсуждается, на развод уже подал. Марина приняла эту новость спокойно. Она ведь не слепая и давно всё видела, просто до конца не могла себе в этом признаться и гнала эти мысли прочь. Старалась сосредоточиться на работе и на сыне, который уехал учиться после школы в другой город. Она видела, что муж стал рыться в одежде, начал использовать мужской парфюм, который на дух раньше не переносил. Задерживался на работе.

Иногда Марина вообще не знала, ночевал он дома или нет: ложилась она, когда его ещё не было дома, а просыпалась — он уже собирался на работу. А может, просто приходил переодеться.

Дочистив всю картошку, Марина просто молча стояла в коридоре и смотрела, как Сергей вернулся за последней сумкой. Ком, который стоял в горле, вотвот вырвется наружу, и она его сдерживала — не хотела, чтобы муж это видел.

Сергей сказал: — Ну, вроде бы всё. Так, будто закончил какое-то простое

дело, и посмотрел на Марину.

Марина хотела что-то сказать, но он её перебил: — Так, всё! Давай без вот этих вот лишних слов и разговоров. Всё уже решено, заявление я уже подал. Потом на суде скажешь, как и решили: дача и машина — мне, а квартира — тебе, хорошо?

Марина только сказала: — Угу.

— Ну всё, я пошёл. Сыну сам позвоню, скажу, — и закрыл дверь.

Марина осталась стоять как вкопанная в коридоре, и её оглушила тишина.

Теперь тишина была какая-то другая — более густая и осязаемая.

Марина простояла минут пять в таком ступоре и думала: может, всё это сон и она сейчас проснётся? Но нет. Всё было реальностью.

Она прошла на кухню и посмотрела в окно: машины Сергея уже не было, уехал. И тут Марину накрыли эмоции. Она не могла себя уже контролировать и просто рыдала, положив голову на стол.

На следующий день Марина позвонила на работу и взяла неделю без содержания. Сын за всю неделю так и не позвонил, а может, Сергей ему не сказал. Но Марина решила, что сама не будет говорить.

В выходные к Марине пришли подруги поддержать её. — Марина, я понимаю, — сказала Татьяна, — муж ушёл и всё такое, но зачем себя запускать и дом? Ты хоть посуду мыла за эту неделю? А мусор когда выносила? — Не знаю, — тихо ответила Марина.

Татьяна начала мыть посуду, а Ольга пошла выносить мусор. Татьяна продолжала: — Маринка, ну ты чего раскисла? Ты ради Серёги, что ли, только по дому хлопотала, готовила, мыла?

Марина смотрела в одну точку и спросила: — А ради кого ещё?

— Да ради себя, Марина, ради себя! Ну, если ты с нами не разговариваешь, давай мы к психологу тебя запишем. Ты выговоришься, и тебе легче будет.

— Нет, — сказала Марина, — не пойду я к психологу. Кучу денег ему выложишь, а легче не станет.

Татьяна закончила мыть посуду и налила чай. Так Марина провела субботний вечер в кругу двух подруг.

Уходя, Ольга ей сказала: — Марина, мы всё понимаем, тяжело. Но на работу надо ходить, житьто ты на что будешь? Сына как учить?

И они попрощались.

Всё воскресенье Марина просто лежала и смотрела в потолок, иногда вставала попить воды. К вечеру всётаки решила она взять себя в руки и подумала, что в понедельник пойдёт на работу. Девчонки правы: работать надо, а то она так сойдёт с ума.

И так, день за днём, она просто ходила на работу и обратно. Все эти месяцы она будто не жила, а просто существовала. На работе, при подругах она старалась быть как раньше, но внутри её разрывало на части, и она просто не знала, куда всё это деть и что сделать, чтобы стало легче.

По советам подруг она всётаки сходила к психологу, выложила кучу денег, но эффекта, как она и думала, не было.

Как-то вечером, идя с работы, она решила сменить маршрут, чтобы немного пройтись по дольше. На улице был сентябрь, но было тепло, дул лёгкий ветер, и Марина шла не спеша. Ведь в квартире её никто не ждал — сын уехал учиться в другой город и домой приезжал только на каникулы. Так

что спешить было некуда. Сначала она хотела зайти в какую-нибудь кафешку и перекусить, но её взгляд упал на храм. Величественный и могучий, он стоял и сиял своими куполами. Марина остановилась и посмотрела на него. В голове мелькнула мысль: может, зайти? Но она тут же её отбросила и пошла мимо кафешек просто домой.

На следующее утро, выходя из квартиры, она встретила соседку Клавдию Семёновну.

— Здравствуйте, Клавдия Семёновна, — Марина поздоровалась первой.

— Здравствуй, Марина. На работу?

— Ага.

— А я пошла в магазин, надо к завтрашней службе подготовиться.

Клавдия Семёновна была верующей, каждую субботу и воскресенье ходила в храм. В храме её считали чуть ли не специалистом в церковных делах. Она всегда знала, что можно в храме, что нельзя, как свечку правильно зажечь, как держать, когда креститься, знала всякие церковные правила. С ней по этому поводу многие советовались и уважали её.

Марина вдруг спросила:

— Клавдия Семёновна, скажите, а некрещёным людям можно в храм ходить?

Клавдия Семёновна даже замерла и остановилась на ступеньках.

— Что ты, Марина, нет конечно. Храм — это место святое, только люди, записанные в книге жизни, могут посещать храм, только крещёные, только крещёные.

Марина посмотрела в пол и сказала:

— Ну, я так и подумала.

И вышла из подъезда. Клавдия Семёновна постояла ещё какое-то время, что-то губами про себя говорила, а потом пошла дальше.

Вечером того же дня Марина снова пошла тем же путём, что и вчера.

Она остановилась у храма и минут пять смотрела на него, не решаясь зайти в калитку. Рядом с калиткой сидел мужчина и просил милостыню. Мужчина попросил у неё денег на свечки. Марина начала рыться в сумочке и искать наличные, тут услышала чей-то знакомый голос:

— Не давай ему ничего!

Это была знакомая её мамы, Марина её знала — мама раньше общалась с ней.

— Почему? — удивилась Марина.

Любовь Анатольевна, так звали мамину знакомую, ответила также грубо:

— А то ты не знаешь, зачем ему деньги. Сам говорит — на свечки, а потратит... — и она сделала жест, щёлкнув пальцами по шее.

И пошла в храм. Марина повернулась к мужчине и спросила:

— Вам действительно на свечки или на спиртное?

Мужчина обиженно сказал:

— На свечки.

Марина дала ему двести рублей. Мужчина поблагодарил её и остался сидеть дальше. Марина пошла домой.

Всю ночь она спала плохо. Почему-то ей хотелось попасть в храм — она чувствовала, что там может найти ответ, как ей быть со своей жизнью. Но слова Клавдии Семёновны, как червь, впивались ей в мозг. Некрещёным нельзя. Марина встала рано, всю ночь она не могла уснуть и ждала, когда

наступит утро. Она решила пойти к храму и, если судьба даст ей шанс, попробует войти. У храма она опять встретила того же мужчину. Он держал несколько свечей в руке. Народу было много, все проходили быстро мимо него, кто-то смотрел с отвращением, кто-то с сочувствием, но никто не бросал ни монетки. Увидев Марину, он сам с ней заговорил:

— Здравствуйте. Смотрите, я купил свечи! — он радовался, как мальчишка.

— Я рада, — сказала Марина, удивляясь.

— Хотите, я ещё вам дам денег? — и Марина протянула пятьсот рублей.

— Нет, — сказал мужчина, — я ещё те не все потратил, купил пока немного. Остальные оставил. Спасибо вам большое.

— Да не за что, — и Марина стала выходить обратно.

Вдруг мужчина спрашивает:

— А вы разве не на службу?

Марина замешкалась. Мужчина продолжил:

— Можно вас попросить поставить свечи? Вот эти четыре.

Марина так опешила, что даже не замечала, как прихожане косились на них, проходя мимо. Сама не зная почему, взяла свечи и сказала:

— Конечно.

Мужчина сказал:

— Три за упокой — за Николая, Надежду, Ивана. А одну за здоровье — это вы за себя поставьте. Спасибо вам.

И он сделал ей поклон. Марина даже покраснела. Сделав пару шагов от него, она вдруг обернулась и спросила:

— А почему вы сами не зайдёте и не поставите?

Мужчина смутился:

— Видите ли, не по дресс-коду одет. Никто не захочет рядом со мной стоять. Не хочу создавать неудобство людям. Спасибо ещё раз.

Марина пошла в сторону храма и вдруг осознала, что одета в брюки и не взяла платок. Её охватила паника: как же она войдёт, как же она поставит эти свечи, ведь она ничего не знает. Она повернулась и хотела отказаться, но мужчины уже не было. Марина стояла и не знала, что ей делать. Сначала она не решалась войти, ждала — вдруг кто-то ещё знакомый подойдёт, и она передаст ему свечи. Но люди шли незнакомые. И тогда Марина решилась войти. Кто знает, что она некрещёная. Тихонько поставит и уйдёт. На входе в храм она не нашла ни платков, ни юбок — что делать, пошла так. Зашла и поняла, что быстро отсюда ей не уйти. Сначала она стояла вся в напряжении, но потом, слушая батюшку и церковное пение, успокоилась. Просто стояла.

Служба закончилась. Люди потянулись к выходу, кто-то задерживался у икон, кто-то уже торопился домой. Марина стояла, не двигаясь, словно боялась, что если она сделает шаг, всё исчезнет — и тишина внутри, и тёплый воск в руках, и это странное чувство, что она на несколько минут перестала быть чужой.

Она вспомнила про свечи. Нашла подсвечник, поставила одну, потом вторую. Руки тряслись. Она не знала, как правильно — сколько раз перекреститься, в какую сторону подойти. Просто ставила и отходила. Третью поставила криво, свеча накренилась, и Марина машинально поправила её пальцами.

— Ну и что ты тут делаешь?

Марина вздрогнула. Клавдия Семёновна стояла рядом, суровая и прямая, как столб. Платок повязан ровно, юбка до щиколотки, в руках — маленькая книжечка с молитвами. Она смотрела на Марину так, будто застала её за чем-то постыдным.

— Клавдия Семёновна... — Марина растерялась. — Я вот... свечи поставила.

— Вижу, что поставила. А кто тебя пускать-то разрешил? Ты ведь не крещёная. Я тебе вчера что говорила?

— Говорили, что нельзя...

— Вот именно! Нельзя! А ты взяла и пришла. И свечи трогаешь, и стоишь, как будто так и надо. Ты понимаешь, что это грех?

Марина молчала. Клавдия Семёновна продолжала, но уже тише, оглядываясь на выходящих прихожан:

— И свечи-то не так ставишь. Сначала за здоровье надо, потом за упокой.

А ты как попало. И перекреститься ты толком не умеешь, я видела.

— Клавдия Семёновна, — Марина вдруг выпрямилась и посмотрела ей в глаза, — я не для себя их ставила. Мне мужчина попросил. У входа сидел, у калитки. Он сказал, ему не пустят из-за одежды. Вот и попросил поставить. За Николая, Надежду, Ивана — за упокой. И одну за здоровье, за меня.

Клавдия Семёновна прищурилась.

— Какой ещё мужчина? Тот, что у калитки сидит?

— Да, он самый.

— Так это пьянчуга местный! Все его знают! — Клавдия Семёновна зашептала, но в шёпоте её было столько яда, что Марина отступила на шаг. — Он каждый день там сидит, побирается, а потом — вот это вот, — она снова

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.